

Стоило толпе завидеть Ван Сяо, как в женских сердцах вновь вспыхнула надежда. Кто-то выкрикнул:

— Это баньянь Ван Сяо из управы Цзиньлин! Он состоит в дальнем родстве с кланом Ван из Ланья! Ему тридцать один год, и он уже женат.

— Какая жалость! — разочарованно загудела толпа.

Но едва из дверей показался Тан Шэнь, как у всех присутствующих глаза загорелись ярким блеском.

— Такой молодой Таньхуа точно еще не женат!

— Такой юный, это наверняка Тан Шэнь, Таньхуа из управы Гусу!

— В пьесах не ввали! Говорят же, что Чжуаньюань берет талантом, а Таньхуа — красотой. Хорош собой, точно цветок или нефрит, просто мечта!

Услышав это, Тан Шэнь лишился дара речи:

«...»

«Сам ты "точно цветок"! Да вся твоя семейка "точно цветок"!»

В Великой Сун нравы были свободными, да и двор сквозь пальцы смотрел на то, как простой люд теснился по обеим сторонам улиц и бурно ликовал, когда мимо проезжали трое лучших выпускников.

За обе свои жизни Тан Шэнь никогда не привлекал столько внимания. Он восседал на статном коне и ехал позади Яо Шаня и Ван Сяо, но именно вокруг него толпилось больше всего зевак.

К счастью, традиция прежней династии, когда женщины бросали в приглянувшихся мужчин фрукты и нефрит в знак своей любви, давно канула в лету. Иначе восторженная толпа просто забросала бы Тан Шэня насмерть!

Вернувшись домой после изнурительного дня, Тан Шэнь принял горячую ванну. Не успел он перевести дух, как в ворота усадьбы громко застучали.

Тан Шэнь невольно усмехнулся:

— Лучше бы я занял пятое место и затерялся в толпе!

Впрочем, покончив с самоиронией, Тан Шэнь вежливо выпроводил всех пришедших с поздравлениями гостей. Он вернулся в кабинет и достал прописи, которые ему когда-то подарил Ван Чжэнь.

Положив прописи на письменный стол, он растер тушь и принялся писать.

Исписав целый лист, Тан Шэнь с облегчением вздохнул и откинулся на спинку стула. Он закрыл глаза. Мысли его прояснились, и перед мысленным взором, словно картинки в калейдоскопе, замелькали воспоминания обо всем, что произошло с ним с момента прибытия в Шэнцзин.

Когда он только приехал в Шэнцзин, то был всего лишь самым обычным сюцаем. Но благодаря

заботе Фу Сижу и личному наставничеству Ван Цзыфэна...

Затем он поступил в Академию Гоцзыцзянь, завел нескольких близких друзей, с которыми они делили вино и вели задумчивые беседы.

На провинциальном экзамене он стал Яюанем, на столичном экзамене занял второе место. А на дворцовом экзамене сам император лично переставил его имя в списке, подняв с пятого места во второй группе до звания Таньхуа в первой.

Внезапно Тан Шэнь открыл глаза и поспешно достал с книжной полки другие прописи — «Стелу монастыря Фамыньсы» Чжун Тайшэна.

Тан Шэнь переводил взгляд со «Стелы монастыря Фамыньсы» на прописи, собственноручно написанные для него Ван Чжэнем.

Спустя долгое время он поднял глаза к потолку и глубоко вздохнул:

— Ван Цзыфэн, оказывается, ты с самого начала продумал эту партию!

Когда он только прибыл в Шэнцзин, Ван Чжэнь заставил его упражняться в каллиграфии по «Стеле монастыря Фамыньсы», поскольку всем в поднебесной было известно, как прекрасен почерк Чжун Тайшэна. К тому же, его стилю было легко подражать, и учиться по нему не составляло труда. Но стоило Тан Шэню сдать провинциальный экзамен, как за полгода до столичного экзамена Ван Чжэнь заменил ему прописи.

Тогда Тан Шэнь предположил, что Ван Чжэнь сделал это ради будущего дворцового экзамена — чтобы во время высочайшего смотра работ его почерк не вызвал неприязни у Чжао Фу. И его догадка подтвердилась: на дворцовом экзамене четверо из десяти кандидатов писали стилем Чжун Тайшэна. Никто из этих четверых не попал в первую группу, хотя Чжао Фу ничего и не сказал по этому поводу.

Но неужели дело было только в этом?

«На дворцовом экзамене свитки не переписывали писцами. То, что я смог занять пятое место, возможно, тоже связано с ним!»

Старший брат — как отец, наставник — как отец.

Ван Цзыфэн приходится ему старшим соучеником, но на деле он был его настоящим учителем.

Выражение лица Тан Шэня стало неопределимо странным, и он подумал: «...Отец?»

От этого слова, сорвавшегося с губ, его самого передернуло. Даже если бы он согласился признать в нем отца (хотя он скорее умрет, чем пойдет на такое), Ван Цзыфэн вряд ли захотел бы признать его своим сыном!

— Так почему же он ко мне так добр?!

Терзаясь этими вопросами, Тан Шэнь от усталости провалился в сон.

После объявления результатов дворцового экзамена Тан Шэнь несколько дней кряду посещал различные банкеты и принимал поздравления от гостей. Лишь на седьмой день после окончания экзамена Фу Вэй прислал за ним слугу с требованием непременно явиться вечером в поместье Фу. Учитель хотел устроить скромное застолье для них троих и отпраздновать

получение Тан Шэнем звания Таньхуа.

Тан Шэнь тут же отклонил множество приглашений на другие пиршества и поспешил в поместье Фу.

Мальчик-чтец уже ждал его у ворот. Он провел Тан Шэня в поместье Фу через круглые лунные ворота в саду, приговаривая на ходу:

— Молодой господин Тан, поди, совсем выбились из сил за эти дни? Ой, то есть теперь мне следует величать вас господином Таньхуа! Девять лет назад, когда Ван Цюань сдал экзамен на звание Чжуаньюаня, он был занят точно так же, так что мне это хорошо знакомо. — Мальчик-чтец заговорщически подмигнул: — Пока не сдашь экзамен на Таньхуа — никому до тебя дела нет. А как станешь Таньхуа — и знакомые, и незнакомые бегут поздравлять, сплошная морока!

Тан Шэнь с жаром пожаловался:

— Никто не понимает меня лучше твоего, мальчик-чтец!

Мальчик-чтец с усмешкой ответил:

— Прошу вас, молодой господин Тан, проходите скорее!

Они шли по саду и, едва обогнув декоративную горку из камней, Тан Шэнь нос к носу столкнулся с прохожим. Оба отшатнулись на полшага. Тан Шэнь поднял голову и увидел Ван Чжэня. Тот был одет в простое белое платье, украшенное золотом и нефритом, и смотрел на него сверху вниз. Поняв, что перед ним Тан Шэнь, Ван Чжэнь слегка приподнял брови и уже собирался что-то сказать.

Тан Шэнь, которого последние два дня непрерывно мучила мысль «старший брат — как отец, наставник — как отец», при виде Ван Чжэня выпалил на автопилоте:

— Па!..

Ван Чжэнь опешил:

— Па?..

Тан Шэнь:

— ...

Лицо новоиспеченного Таньхуа, «прекрасное, точно цветок или нефрит», мгновенно вспыхнуло густым румянцем!

Примечание автора:

Малыш Тан: Папа!

Сосед Лао Ван: Роман про отца и сына (густой туман!)?

В панике Тан Шэнь лихорадочно соображал, как выкрутиться, и вдруг его осенило:

— Па... Падает покоем, точно чистый свет рек и морей!

В саду поместья Фу цвела весна, звонко щебетали птицы. Ивовые ветви отбрасывали тень на каменную горку, скрывая Тан Шэня и его спутников. После слов юноши в саду воцарилась мертвая тишина.

Тан Шэнь выдал эту строчку в порыве отчаяния. Мальчик-чтец никогда не слышал этого стихотворения, но Ван Чжэнь пристально посмотрел на Тан Шэня и спустя мгновение произнес:

— «Начинается бурей, сдерживающей ярость грозы»? Младший брат, с чего это ты вдруг заговорил об этом, едва завидев меня?

«Начинается бурей, сдерживающей ярость грозы; падает покоем, точно чистый свет рек и морей».

Эти строки Ду Фу посвятил танцу с мечами госпожи Гунсунь, и в этом мире они тоже были известны.

Тан Шэнь к этому моменту уже полностью вернул себе самообладание. Глядя собеседнику прямо в глаза, он принялся вдохновенно врать:

— Давненько я не виделся с тобой, брат Цзыфэн. А теперь встретил — и ты все такой же благородный и статный, словно сияние над речной гладью. Стоило мне взглянуть на тебя, как в голове сами собой всплыли эти стихи, вот и сорвалось с языка, не успел я подумать. — «Главное — вовремя польстить».

Ван Чжэнь некоторое время молча смотрел на него, а затем произнес:

— Не думал я, что за какие-то семь дней разлуки Цзинцзэ успеет так сильно соскучиться по мне. — С этими словами он повернулся к своему слуге: — Цзинцзэ целую неделю не навещался в Резиденцию министра, почему же ты не пригласил его? Если бы учитель не позвал нас двоих сегодня, кто знает, когда бы мы еще встретились! Чувствуешь ли ты свою вину?

Ни за что ни про что получивший нагоняй слуга недоумевал: «?» О чем они только что говорили и какое отношение это имеет ко мне?

Тан Шэнь:

— ...

Слуга покорно склонил голову:

— Это оплошность вашего ничтожного слуги.

— Чтобы это было в последний раз, — строго бросил Ван Чжэнь.

— Слушаюсь... — ответил слуга.

Ван Чжэнь взял Тан Шэня за руку и мягко похлопал по ладони. словно самые близкие братья или благородные мужи эпохи «Чуньцю», они рука об руку пошли по садовой дорожке. Ван Чжэнь с глубоким чувством произнес:

— Мы с тобой ученики одного наставника, так что впредь подобного не произойдет. Если Цзинцзэ соскучится по мне, ты можешь в любое время прийти в Резиденцию министра.

Тан Шэнь кивнул. В душе он вздохнул с облегчением, подумав, что Ван Цзыфэн не такой уж и проницательный, раз удалось так легко замаять эту неловкость с «отцом». Но стоило им дойти до гостиной, как Тан Шэнь внезапно осознал: он ведь лишь сказал, что стихотворение пришло на ум при взгляде на Ван Чжэня, и ни единым словом не обмолвился о том, что скучал по нему! Ван Цзыфэн бессовестно наговаривает на него!

От досады Тан Шэнь чуть было не сплюнул кровью.

Ван Чжэнь привел его в гостиную. Тан Шэнь злился, но не смел возразить, а потому лишь обиженно зыркнул на него. Заметив ответный взгляд Ван Чжэня, Тан Шэнь тут же отвел глаза и чинно произнес:

— Брат.

— Младший брат действительно соскучился по мне, раз всю дорогу не сводил с меня глаз, — отозвался Ван Чжэнь.

Тан Шэнь:

— ...

Из глубины комнаты навстречу им вышел Фу Вэй и добродушно заметил:

— Цзинцзэ соскучился по Цзыфэну? Похоже, пока я не видел, вы двое прекрасно ладили!

— Учитель, — поклонился Ван Чжэнь.

— Учитель, — уныло повторил Тан Шэнь.

Оба одновременно совершили почтительный поклон перед Фу Вэем.

В гостиной уже стоял круглый столик из ароматного дерева хуанхуали, уставленный изысканными яствами в цзяннаньском стиле. И Тан Шэнь, и Ван Чжэнь были родом из Цзяннаня, а тамошняя кухня отличалась утонченностью и легкостью: порции были небольшими, а вкус — нежным и неярким. Но поскольку собрались они в первую очередь ради беседы, а не ради еды, ели все мало. Фу Вэй не стал соблюдать правило молчания за трапезой и с улыбкой спросил Тан Шэня:

— Ну что, новоиспеченный Таньхуа, сладок ли вкус триумфа?

<http://bllate.org/book/18292/1754521>